

Если утрачен прицел...

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

Молодой журналист Серго Бакурадзе, стремясь изобразить преступную группу махинаторов, встречается с человеком, который, судя по всему, эту группу возглавляет. Вернее, тот сам ищет встречи: угрозы не помогли, и надо попробовать подобрать к журналисту ключи. Как он сердечен, Георгий Санадзе, пожилой, добропорядочный отец семейства, пекущийся не только о своих детях, но и о его, Серго, благе. А в какую невинную форму облекается попытка подкупа...

Преступники хотят «любими средствами вынудить человека оступиться, перетянуть его в свой стан, обратиться в свою веру... Они... раковая опухоль с метастазами».

Болезнь распространение которой необходимо пресечь, — зло, с которым следует бороться с бескомпромиссно, со всей возможной энергией, — так относятся советские люди к явлениям, враждебным нашему обществу, представляющим собой посягательство на его законы и моральные нормы. Естественно, именно это отношение бывает воплощено в произведениях литературы, искусства, глубоко раскрывающих правовую тему, несущих в себе точный воспитательный заряд.

Роман Бориса Мегрели «Без всяких полномочий» (журнал «Дружба народов»), к страницам которого я обратился, несомненно, одно из подобных произведений. Вызывают искреннюю симпатию сила убежденности, отвага, с какой ведет герой свою борьбу. Первое звено в сложной, хитроумной системе хищений открылось Серго случайно. И вот шаг за шагом движется он по цепи, зная, что подвергает себя нешуточной опасности. Двигается практически в одиночку, не имея даже соответствующего редакционного задания. Да, конечно, он ощущает себя газетчиком, собирает факты для разоблачительной, острой статьи. Но раньше всего он ощущает себя человеком, гражданином, душой, сознание которого оскорблены несправедливостью. Нет, не должно у нас такого быть, чтобы вольготно жилось тузам тайного бизнеса, чтобы могли они измываться над порядочными людьми!

Горяч, импульсивен Серго, таков же ритм самого повествования, ведущегося от лица героя. Хотя действие не выходит за рамки детективной интриги, по ходу его возникают живые картинки тбилисских будней, зарисовки нравов, характеризующих разные слои городских жителей, возникает история любви героя. О чем бы, однако, ни рассказывал Серго, нетрудно заметить: внутренний смысл многих, раз-

ных по своему содержанию эпизодов, ситуаций так или иначе связан с идеей человеческого достоинства. Серьезная, ответственная эта идея цементирует здание романа (в котором, необходимо упомянуть, есть и свои изобразительные, композиционные просчеты, есть эпизоды, уязвимые с точки зрения художественного вкуса). Обоснованно показано, как индивидуальное журналистское расследование в конечном счете сливается с широкомасштабными действиями правоохранительных органов, вписывается в общую атмосферу усиления борьбы с преступностью. Последовательно, вплоть до финальной развязки, рисуется страшный лик преступного мира.

...Рем Степанович Кочергин — делец не меньших масштабов, чем Санадзе, даже, скорее, больших: тот занимает скромное место товароведа, у этого — весомая должность в системе московской торговли. Знакомимся мы с Кочергиным, персонажем романа Лазаря Карелина «Последний переулочек» (журнал «Москва»), в дни, когда он и его сообщники «обложены» милицией, когда близится их крах. Момент любопытный, весьма уместный для того, чтобы обнажить симптомы болезни, вызвать в нас чувство праведного гнева.

Как ни удивительно это, читая роман, никаких подобных чувств не испытываешь.

Ведущая линия «Последнего переулочка» — отношения Кочергина и Геннадия, соседского парня, которого он в эти дни приблизил к себе, чтобы иметь возможность пересылать конспиративные записочки друзьям. Поначалу уважительный, сочувствующий, Геннадий затем порывает с покровителем, удостоверяясь, что тот не в ладах с законом.

Коллизия, конечно, не ахти какая сложная, но, с другой стороны, чем не правомерная для художественного исследования? Если только оно действительно ведется, имеет перед собой точную цель.

Вот с этим-то, увы, обстоит неблагополучно. Не сходятся концы с концами в описываемой истории, неувязки, противоречия выдают ее неглубокий, надуманный характер. «Вот и пришла ясность, вот ты и понял все», — говорит себе Геннадий в один из моментов общения с Кочергиным. Но, собственно, так ли уж необходимо ему было, дабы обрести ясность, множить факты, напряженно их осмысливать? Разве не красноречива уже сама роскошь, баснословная,

вне всяких приличий, открывшаяся парню в кочергинской квартире (порог которой, нелюбимая подробность, доселе не переступала нога постороннего, будь то сосед или участковый уполномоченный)? А ежедневный гонорар, положенный Геннадию за путешествия вроде бы услуги, — сто, двести рублей?

Допускаю, что жэковский электрик Геннадий не отвергает наглые эти обольщения с той же категоричностью, как журналист Серго. Но реально ли было Геннадию не вострогнуться, коль скоро человек он, судя по авторским рекомендациям, честный, неалчный? Реально ли было никак не воспринять признание Кочергина, прозвучавшее еще в первом разговоре, так сказать, при найме: «Оплошал... Пять могут дать, десять, пятнадцать, вышкур»...

Ясности хотел парень? Умри, Денис, яснее не скажешь! Нет, не держит роман опорную коллизию. И, возможно, как следствие этого центр тяжести перемещается: доминирующей оказывается фигура Кочергина, подаваемая щедро, с размахом.

Ах, как же мужественно красив Рем Степанович, как умен, обаятелен, как духовно тонок — книги по истории Москвы собирает, полотна мастеров коллекционирует. А какой необыкновенно преданной любовью любит его молодая, всенародно известная актриса! А как солнечно («все... приспособлено для радости») умеет Рем Степанович обустроить свой быт!

«О рынок, ты — мир!» — восклицает автор, приступая к описанию закупки роскошной снеди. Восклицает иронически, но очень скоро ирония как-то сама собой оборачивается восторженностью: раблезианские картины разворачиваются здесь перед нами, равно как затем и в кочергинской кухне, где священнодействуют над приготовлением званого обеда.

Когда Геннадий впервые оказался в квартире соседа, он ощутил «озноб» — от прикосновения к «тайне», к богатству. Увы, озноб этот не остался уделом героя, достоянием момента: он проник в самые поры произведения... Совсем не раскрыты, не показаны читателю те черты облика Кочергина, о которых автор в начале обмолвился: «жесткость», «неумолимость». Хотя и намекается, что кочергинская компания причастна к убийству Шорохова, героя предыдущего

романа Л. Карелина «Змеелов» (оба произведения в некоторой степени связаны между собой), намеки эти столь глухи, столь бесплотны, что никак не способны поколебать впечатления о Реме Степановиче как о радостно живущем человеке, интеллектуале и душе. Ну, а уж самоубийство в финале, когда явились-таки к Кочергину с ордером на арест, и вовсе осеняет его неким мученическим ореолом...

Финал романа вообще весьма примечателен. Безутешная в своем горе актриса Аня Дунина вслед за возлюбленным тоже пытается перейти в мир иной. Геннадий (тайно влюбленный в Аню) успеваешь помешать ей, одновременно втолковав: дескать, Кочергин сам виноват, «из-за него человека убили» (имеется в виду опять же Шорохов). И меланхолическим вздохом отзывается Геннадию автор: «Жизнь за жизнь...» Не сказать чтобы режвием, но скорбная мелодия явно слышна в финале. Все-таки незаурядную личность мы потеряли...

Да, до гнева, до обличения ли, если бушуют в романе страсти, если эстетизируется, иного слова не подберу, бытие темных дельцов.

Замечу, элементы такой эстетизации имелись, по моему убеждению, еще в «Змеелове», однако там они не приобрели самостоятельного значения: достаточно весомой была главная линия произведения, порыв Шорохова к достойной, честной жизни. «Последний переулочек» явил собой пример облегченности, необремененности сколько-нибудь серьезной нравственной задачей. Отсюда и игра в «сложности», странные этические акценты.

Надо ли говорить, что искусству подвластны любые средства осуждения зла — и открытые, очевидные, и сложные, опосредованные. Но худо, когда маркой сложности прикрывается неточность авторской мысли, недостаточность художественных аргументов.

Поучительна в этом отношении неудача телефильма «Полуденный вор» (из популярной серии «Следствие ведут Знатоки»). В течение действия зрителя, доверяясь нравственному чувству, закономерно полагают, что не существует разницы между вором-домашником и шайкой других воров, автомобильных (ну разве что домашник виртуозно владеет подзорной трубой, высматривая на расстоянии квартирные внутренности, — так ведь и у представителей другой «специальности» свои таланты...) Ах нет! В заключительных кадрах, подводящих не только сюжетный, но и

смысловый итог фильма, нам предлагают выкинуть в большие тонкости. Оказывается, что модная курточка, изящество манер и бездна обаяния — не внешние аксессуары, а выражение глубинной сути. Оказывается, что домашник любить умеет. Да и грабил он не всех подряд, а с толком, с расстановкой, исходя из уровня достатка. (Ну, а как иначе, при наличии оптики-то?).

Забавно, как авторы фильма пытаются опровергнуть домысливание, утверждающего на допросе эту «избирательность» своих действий. Нет, говорит следователь, был у вас случай: ограбили многодетную семью. В Донежске... Столько, однако, заботливости чувствуется в этой отдаленной географической детали! Ну разве не ясно: все-таки исключительный это случай в практике нашего вора. Ведь подели мы: сколько ни шуровал он в Москве, ничего такого подобного себе не позволил!

Задумчиво-многозначительными планами, романтическими бликами завершается лента: дают понять, что личная судьба симпатичного угловатика счастливо устроится. Полагают, видимо, что зритель его успел полюбить...

Надеюсь, меня не поймут так, будто недооцениваю важность изображения в искусстве перековки, нравственного очищения людей, связанных с преступным миром. Известно, каких гуманистических, социальных высот может достигать здесь художественное исследование, — достаточно назвать шукшинскую «Калину красную»... В том-то и дело, однако, что не следует называть Мещанские баллады о непорочных жуликах к истинному гражданскому искусству отношения не имеют.

«...Вор — образ по-своему сложный. Сильный, мужественный и этим привлекающий внимание, он в то же время человек расчетливый, эгоистичный и жестокий...» Так было сказано в заметке о «Полуденном воре», опубликованной еженедельником «Говорит и показывает Москва». Обратите внимание, как поменялись местами признаки корневые, соответствующие роду занятий, и признаки — как бы это полочнее выразиться? — поверхностные. Поди ж ты, простодушно удивилась в еженедельнике, такой вор хороший, а «в то же время» эгоист!.. Вот ведь какое смятение в душах и умах способно, оказывается, породить полуденный вор. Как над этим феноменом не задуматься...

Преступность многообразна. И всегда она — социальное зло. Не в традициях советского искусства кокетничать с этим злом, искать с ним контакты на почве мнимой сложности, поддурманивать его лик. Аномалия, опасная болезнь... Так оно есть в жизни. Так об этом и следует говорить.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ.

Трава, 1985, 15 июня